

DOI 10.22394/1726-1139-2018-7-43-48

Концептуализация понятия «гибридная война» в социально-философских исследованиях

Кривко М. А.

Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Российская Федерация; kr_m@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье предпринимается попытка концептуализации популярного в современной политологии и философии понятия «гибридная война» через анализ теорий Ф. Хоффмана, М. Хардта, А. Негри и К. Шмитта. В ответ на дискуссии о правомерности использования термина «гибридная война» и попытки всем войнам в истории человечества приписать качество «гибридности», автор предлагает легитимизировать понятие «гибридная война» по отношению к военным конфликтам современности.

В качестве составляющих, придающих войне качество гибридности, предлагаются: асимметрия в применении вооруженных и информационных ударов; переход пространства войны в область символического; масштабность участия сетевых партизан.

Ключевые слова: гибридная война, классическая война, постмодерн, концептуализация, тотальность, информационный удар, сетевой партизан

Conceptualization of the Notion of «Hybrid Warfare» in Socio-Philosophical Research

Krivko M. A.

Mikhaylovskaya Military Artillery Academy (Saint-Petersburg, Russian Federation); kr_m@mail.ru

ABSTRACT

The article attempts to conceptualize the notion of “hybrid warfare”, popular in modern political science and philosophy, through analyzing the theories of Frank Hoffman, Michael Hardt and Antonio Negri, and Carl Schmitt. In response to the debates over the appropriateness of using the term “hybrid warfare” and attempts to attribute the quality of “hybridity” to all wars in the history of mankind, the author suggests legitimizing the concept of “hybrid warfare” in relation to the military conflicts of our age. The author proposes that the following elements give the war the quality of hybridity: asymmetry in the use of military and information attacks, transition of warfare from a battlefield to the symbolic order and the large scale of participation of network guerrillas.

Keywords: hybrid warfare, conventional warfare, postmodernity, conceptualization, totality, information attack, network guerilla

Война как одна из форм человеческой деятельности претерпевает существенные изменения вместе с историческим развитием общества. В настоящее время изменились «правила войны», поскольку невоенный инструментарий начинает быть эффективнее военного. Он подразумевает политические, экономические, информационные, гуманитарные методы, активизирующие протестный потенциал населения. К ним добавляются также скрытые военные средства. Становление общества в эпоху постмодерна, нарастающие процессы глобализации ведут к ослаблению суверенитета национальных государств, к возникновению такой формы войны, которую называют «гибридной». Гибридные войны, по общему определению, — это вид враждебных действий, при котором атакующая сторона не прибегает к классическому вторжению, а разрушает оппонента, комбинируя подрывные операции, саботаж, кибервойну и поддержку повстанцев на территории противника.

В последние годы словосочетание «гибридная война» стало одним из самых часто употребляемых в научном и журналистском дискурсе. Число публикаций, рассматривающих те или иные аспекты гибридной войны, растет в геометрической прогрессии, но при этом не происходит ни окончательной концептуализации феномена, ни создания цельной теории гибридной войны; напротив, размывается сам термин, возникают многочисленные трактовки и концепции, а исследования приобретают зачастую публицистический характер.

В современной науке существует необходимость обоснования и правомерно-го использования самого термина «гибридная война» и установления онтологического и гносеологического статуса данного феномена, а также определения соответствия качества «гибридности» конкретным историческим событиям и войнам.

Вопрос о том, является ли гибридная война присущей исключительно информационному обществу или в каждом периоде истории, начиная с античности, можно выявить оригинальную гибридную войну — открыт. Данная статья представляет собой гносеологическую попытку концептуализировать понятие «гибридная война».

Термин «гибридная война» в научном дискурсе стал применяться с момента опубликования статьи «Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars» американских военных публицистов Д. Мэттиса и Ф. Хоффмана в 2005 г. [6]. В дальнейшем Ф. Хоффман публиковал свои исследования самостоятельно.

Концепция, предложенная Ф. Хоффманом, концептуализирует гибридную войну на основе асимметрии ее компонентов, в качестве определяющего фактора рассматривая перераспределение ролей: война становится гибридной, когда при взаимодействии сторон основным ресурсом воздействия на противника являются не вооруженные силы, а партизанские действия в его тылу, диверсии (в первую очередь информационные), работа с населением. Анализируя военную историю, Ф. Хоффман использует термин «асимметричная компонента», понимая под ним форму приложения основного удара.

В классической, «симметричной войне», усилия противников сконцентрированы непосредственно в поле вооруженного конфликта. В гибридной войне происходит оттягивание сил одного из противников от основного театра войны и создание затруднений социального характера, препятствующих эффективному управлению армией и взаимодействию с собственным народом, а также нарушению функционирования социальных институтов и сфер общественной жизни, размыванию основ культуры.

Расширение пространственно-временного континуума современной войны, заключающееся в охвате пяти сфер — сухопутной, воздушной, космической, морской и информационной, за счет вовлечения новых аттракторов военного воздействия и перехода войны из «реального» бытия в виртуальное изменяет темпоритмы войны, делают ее фактически «нескончаемой» и имплицитно включенной в жизненный мир человека. «Гибридность» позволяет использовать прошлое в качестве оружия в настоящем, за счет идеологических диверсий, осуществляя подмену понятий в исторической памяти противника. В гибридной войне становится трудно определить время ее начала и завершения, поскольку воздействие то обостряется, то ослабевает, неясность придает гибридной войне свойство протяженности в социальном масштабе.

Ф. Хоффман, анализируя формы ведения Второй ливанской войны между Израилем (при поддержке США) и радикальной шиитской группировкой «Хезболла» (2006 г.), заключает, что возникают феномены для адекватного анализа которых в гуманитарном знании не существует соответствующих концепций. Рассматривая военные действия с точки зрения реализации интересов США, Хоффман приходит к выводу о том, что «Хезболла» в ответ на действия Израиля, использовала все

тактики одновременно, применяя не только методы террора, но и активность криминальных элементов и возможности негосударственных структур. К примеру, в течение двух лет лидеры «Хезболлы» обсуждали обмен якобы «живых» пленных израильских солдат, не давая возможности выяснить живы ли они на самом деле. В реальности, солдаты были уже мертвы, и в дальнейшем произошла выдача трупов. Опыт Второй ливанской войны оказал решающее влияние на реформирование тактики и стратегии американской военной доктрины, осмысление гибридного характера проводимых операций и военных действий.

Хоффман не является единственным автором термина «гибридная война», но его вклад в теоретизацию и осмысление нового понимания войны, включающей в себя целый набор нетрадиционных тактик, а также вовлечение неклассических агентов-участников в военные действия, признается большинством военных исследователей. При этом, концепция Хоффмана не свободна от недостатков, подвергается обоснованной критике. Существуют оригинальные точки зрения о том, что само введение термина «гибридная война» и оттягивание сил научного сообщества на ее исследования является непосредственно формой ведения этой самой войны. К примеру, Ю. Першин остерегает от массовости его применения, рассматривая сам термин в качестве «интеллектуального вируса» [1].

Популяризация данного понятия, его сверхширокое употребление, с одной стороны, делает саму тему переосмысления структуры военных конфликтов и вовлечения в них разных групп населения важной для разработки адекватных происходящим переменам взглядов на современное понимание войны в целом. С другой — размывает сущность понятия и отвлекает от информационной составляющей военных конфликтов.

Целый ряд книг и статей, посвященных исследованию гибридной войны, реализуют исключительно позицию демонизации России как единственного актора гибридной войны, не принимая в расчет тот факт, что первенство исследований по разработке технологий информационных ударов принадлежит именно США. Украинский исследователь и политтехнолог Г. Почепцов, автор ряда книг по гибридной войне, является активным пользователем соцсетей и автором блога, в котором, придавая своим исследованиям «научную форму», фактически реализует при исследовании феномена гибридной войны антироссийскую идею «Россия — Империя зла» [2]. «Академическое письмо» в статьях и книгах Г. Почепцова подменяется манипулированием читателем за счет мимикрирования текстов под «научные исследования». При этом Почепцов в публичном дискурсе и интернет-пространстве обязательно говорит о том, что в 90-е годы получал приглашение от ведущих российских вузов возглавить те или иные научные сообщества, тем самым приписывая своим высказываниям легитимность и выдавая себя за главного специалиста по гибридной войне. Данный пример показывает как легко ученому, интеллектуалу, в попытке исследования гибридной войны стать агентом создания новых смыслов и своеобразным рупором информационных атак в межгосударственных отношениях.

В одном из первых определений гибридной войны, данных Хоффманом, особое внимание уделялось действиям партизан и усилению влияния информационных, психологических «подрывных» операций в тылу противника на общий исход противоборства. В диалоге с Хоффманом свою концепцию гибридной тотальной партизанской войны предлагает К. Шмитт [5].

Партизанская составляющая рассматривается как мощный участник военных действий, как «глобальный террорист». Если в доинформационном обществе действия партизан осуществляются в области периферии военного конфликта, сами партизаны не рассматривались как серьезные агенты влияния и не становились в центр общественного дискурса, то при постмодернистском социальном

порядке именно партизаны признаются в качестве и медийных фигур, и важных регуляторов военных действий. Например, в военном конфликте в Украине сформировался целый новый «иконостас» героев-партизан с соответствующей ритуализированной формой почитания и включенности в медийный дискурс. События в Сирии и Ливии также подтверждают факт усиления «партизанского» участия в военных действиях.

В гибридной войне меняется статус, социальная маркированность и социально-психологические особенности партизана. Если в классических войнах прошлого партизанами обычно становились непрофессионалы, маргиналы, не имеющие военного образования люди с низким социальным статусом, иногда даже имевшие преступное прошлое до начала самой войны, то в информационном обществе партизан — это уже вовсе не Иван Сусанин, в лаптях и с топором, а образованный, зачастую социально успешный лидер. Особенность современного партизана — его активная жизненная позиция, интенсивная политическая ангажированность, повышенная мобильность и высокий уровень участия в социальной коммуникации в интернете.

Партизан XIX — нач. XX вв. позиционируется культурой как национальный герой, почвенник, имеющий неразрывную связь со своей землей и вынужденный проявлять агрессию только в случае прямой угрозы противника. Действия партизан в классической войне легитимизируются самой культурой, оправдывающей их действия любовью к Родине и защитой родной земли; партизан обороняется, а не нападает. В гибридной войне действия партизан уже трудно оценивать на основе противопоставления оборона/нападение. Современные партизаны уходят не в леса, а в интернет, где инициируют информационные атаки, отличающиеся внезапностью, хаотичностью и масштабным вовлечением большой аудитории. Информационные подрывные действия партизан не всегда сопровождаются выходами толп на улицы, но приводят к раскачиванию общественных настроений и оттягиванию энергии противника от непосредственного конфликта.

К. Шмитт считает, что современные партизаны выступают как сетевые террористы, своими действиями стирающие различия между войной и миром и смещающие военные задачи в сторону задач полицейского регулирования. Зачастую современные партизаны не персонализированы, они выступают как интернет-персонажи, маски, условные фигуры. Если в классической войне партизанское движение ослаблялось с уничтожением физических тел конкретных людей, то современный партизан фактически неуточним, поскольку выступает скорее как символ, как сетевое явление, диффузное и трудно сдерживаемое даже попыткой запрещения или регулирования соцсетей.

Анализ феномена современной войны как тотальности был изложен в теории М. Хардта и А. Негри, в которой гибридная война рассматривается как тотальная война Империи. Описывая трансформации современного общества, М. Хардт и А. Негри в своем анализе на первый план выводят символическую и эмоциональную составляющую взаимодействия человека и социума [4, с. 420]. Политические и экономические процессы, размывающие границы национальных государств, приводят к потере национального контроля за социальными процессами и монополии на контроль за практиками социализации в рамках национальных культур.

В экономическом смысле в современном обществе наряду с индустриальным производством реализуется «неовещественный», символический труд по производству символов, смыслов, «новых традиций» и эмоциональных реакций. Если в индустриальном обществе неравенство основывалось на материальном праве собственности, то в обществе информационном социальное неравенство первоначально переходит в сферу символического, а непосредственно владение материальными благами становится следствием возможности тотального контроля за

сферой символизации и способности управлять социальными интересами, эмоциональными реакциями и настроениями.

Социальное неравенство, невозможность участвовать в конкуренции за символические и материальные блага приводят, по мнению М. Хардта и А. Негри, к нарастанию в повседневной жизни общества настроений ощущений угрозы, повышенной агрессивности, ненависти к «другому», которые в индустриальном обществе были свойственны состоянию военного конфликта. Не находясь формально в состоянии войны, общество постоянно транслирует ощущение опасности, которое становится объектом манипуляции в политической, дипломатической и экономической сфере. Современный военный конфликт моментально переходит в сферу тотальности, вовлекая все социальные сферы и социальные институты, затрагивая не только, и не столько тела, сколько эмоции, психические реакции и ментальность. В политическом смысле война с внешним врагом перестала отличаться от гражданской войны.

На основе концепции М. Хардта и А. Негри отечественный исследователь И. Н. Сидоренко рассматривает теорию гибридной войны как тотальную войну, выделяя в качестве характерных черт этой войны следующие: стирание различий внутри социальных сфер, между социальными институтами, агентами управления и власти (например, между полицией и армией), стремление власти осуществлять контроль за порядком не на основе легитимности, а на основе контроля за информационными потоками и с применением страха и силы [3].

Сами же авторы теории современной войны как тотальности — Хардт и Негри в антиутопическом ключе описывают современный политический и социальный порядок как «Глобальную Империю», управляющую при помощи страха и силы. Свои интересы Империя выражает через действия США и союзников, выкачивающих ресурсы из периферии. Войны, которые Империя ведет с теми, кто не поддерживает ее идеологию, имеют сетевую природу. Терроризм становится важнейшим объектом для манипулятивных практик Империи, поскольку борьбой с ним оправдывается реализация собственных интересов и абсолютно любое насилие. Война Империи тотальна. Единственной силой, способной противостоять Империи, по мнению М. Хардта и А. Негри, становится мир Множества, состоящий из «сингуляриев», способных критически осмыслить действия Империи и эмоционально ей не поддающихся. Однако перед Множеством стоит важная задача: «трансформировать свое сопротивление в какую-то форму конституирующей силы, создающей общественные взаимоотношения и институты нового социума».

Теория Империи эстетически довольно привлекательна для большинства читателей, в чем-то даже киногенична (достаточно вспомнить о знаковом для целого поколения людей конца прошлого века фильме «Матрица»). При чтении книг М. Хардта и А. Негри невозможно не вспомнить о дискурсивных практиках времен холодной войны. Но эта теория позволяет выделить основные свойства гибридной войны и концептуализировать этот феномен.

Рассмотренные выше теоретические концепции гибридной войны позволяют аргументированно спорить с авторами, считающими гибридную войну «вымыслом», или выделяющими качество гибридности во всех войнах в истории человечества. Для того чтобы эффективно противостоять информационным ударам и не поддаваться на псевдонаучные провокации, следует ограничить поле применения термина «гибридная война» при исследовании военных конфликтов. Война становится гибридной, когда в операциях противника происходит смещение баланса в сторону невооруженных участников, вовлекается интернет и социальные сети как пространство «военных фронтов», затрагивается менталитет, традиции, общественное мнение и социокультурные установки страны-участника межгосударственного противоборства.

Литература

1. Першин Ю. Ю. «Гибридная война» как интеллектуальная провокация // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. № 1. С. 80–88.
2. Почепцов Г. Слова і смисли. Україна і Росія в інформаційній і смисловій війнах. Київ, 2016.
3. Сидоренко И. Н. Тотальная война: феномен XXI века // Труды БГТУ. 2016. № 5. С. 120–124.
4. Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху Империи / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Культурная революция, 2006.
5. Шмитт К. Теория партизана. М. : Праксис, 2007.
6. Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute Proceedings Magazine. November 2005. Vol. 132/11/1, 233. P. 18–19.

Об авторе:

Кривко Марина Александровна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук; kr_m@mail.ru

References

1. Pershin Yu. Yu. "Hybrid war" as intellectual provocation // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural science [Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya]. 2015. N 1. P. 80–88. (In rus)
2. Pocheptsov G. Words and meanings. Ukraine and Russia in information and semantic wars. Kiev, 2016. (In ukrainian)
3. Sidorenko I. N. Total war: phenomenon of the 21st century // Works of BSTU [Trudy BGTU]. 2016. N 5. P. 120–124. (In rus)
4. Hardt M., Negri A. Multitude: War and democracy in the Age of Empire / under the editorship of V. L. Inozemtsev. M.: Cultural Revolution, 2006. 508 p. (In rus)
5. Schmitt C. Theory of the Partisan. M. : Praxis, 2007. 304 p. (In rus)
6. Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute Proceedings Magazine. November 2005. Vol. 132/11/1, 233. P. 18–19.

About the author:

Marina A. Krivko, Senior Lecturer of the Chair of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Mikhailovskaya Military Artillery Academy (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy; kr_m@mail.ru